

В. И. Ламанский

Живая старина

Выпуск 1. Год 8. Издание 1897 года

УДК 304
ББК 60.5
Л21

Л21 **Ламанский В.И.**
Живая старина: Выпуск 1. Год 8. Издание 1897 года / В. И. Ламанский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 136 с.

ISBN 978-5-4241-6613-6

ISBN 978-5-4241-6613-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ I.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1898

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

Сольвычегодскій крестьянинъ, его обстановка, жизнь и дѣятельность.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій очеркъ можетъ служить дополненіемъ къ труду моему „Матеріалы по этнографіи Вологодской губерніи“, напечатанному въ „Извѣстіяхъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи“ въ 1890 г. Въ предисловіи къ названному труду я высказалъ, что собранныя мною свѣдѣнія относятся главнымъ образомъ къ уѣздамъ Кадниковскому и Вологодскому, какъ болѣе мнѣ знакомымъ и близкимъ. Сольвычегодскаго уѣзда, именно той окраины его, которая прилегаетъ къ р. Двинѣ, я касался лишь слегка, насколько окраина эта была мнѣ знакома по короткимъ посѣщеніямъ во время поѣздокъ въ Архангельскъ и по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, какія попадались мнѣ въ „Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“.

Я зналъ, что жизнь сольвычегодчанъ отличается многими интересными особенностями и теперь, когда случай свелъ меня съ крестьяниномъ Сольвычегодскаго уѣзда, мѣстожителемъ котораго Метлинская волость, расположенная на низменности, гдѣ сливаются двѣ большихъ рѣки—Двина и Вычегда, родина котораго деревня Марково, стоящая всего въ десяти верстахъ отъ Котласа—конечнаго пункта строящейся Пермь-Котласской желѣзной дороги, я сталъ записывать отъ него свѣдѣнія, касающіяся жизни, обстановки и дѣятельности мѣстнаго населенія.

Развивающееся съ каждымъ годомъ судоходство по Двинѣ и Вычегдѣ, проведеніе Вологодско-Архангельской желѣзной дороги, а въ особенности Пермь-Котласской, стали уже замѣтно вліять на нравы и образъ жизни крестьянъ, населяющихъ берега Двины и ея притоковъ. Поэтому мнѣ кажется, записи, подобныя той, какую я теперь представляю вниманію читателя, интересующагося народной жизнью, не только нужны, но и очень важны, потому что недалеко то время, когда многое, что мною теперь записано, явится не такимъ, какимъ оно есть, а иное и совсѣмъ исчезнетъ подъ наплывомъ новыхъ условій жизни.

Очеркъ мой не можетъ притязать на совершенную полноту, потому что все мною записанное, рассказывалъ мнѣ одинъ человекъ; но за то все,

что рассказано и записано, заслуживаетъ полного довѣрія, такъ какъ рассказчикъ самъ хозяинъ и строитель и семейный человѣкъ, рыболовъ и охотникъ. Въ отношеніи хозяйства и вообще практической жизни полнота очерка мнѣ кажется достаточною, пробѣлъ же представляютъ вѣрованія, суевѣрія и сопряженные съ послѣдними обряды. Въ этомъ отношеніи всѣ мои вопросы, обращенные къ рассказчику, за немногими исключеніями, не привели ни къ чему.

— „Я такъ думаю, что все это бабьи запуки“ (т. е. вздоръ), или: „объ этомъ надо старухъ спрашивать“— вотъ были отвѣты на мои вопросы изъ области суевѣрій и демонологіи. Впрочемъ, область эта, мнѣ кажется, достаточно полно выяснена въ прежнемъ трудѣ моемъ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ настоящаго предисловія.

I.

Общій обзоръ.

Деревня Марково (или, по мѣстному названію, Дресвенець), Метлинской волости, Сольвычегодскаго уѣзда, Вологодской губерніи, лежитъ подъ $61\frac{1}{4}^{\circ}$ с. ш. и 16° вост. долготы (отъ Пулкова). Она занимаетъ мѣсто недалеко отъ центра низменнаго, заливаемаго весеннею водою острова, около 10 верстъ длиною и 6 шириною, омываемаго съ запада р. Сѣвѣрною Двиною, а съ юга, востока и сѣвера протокомъ той же Двины, называемымъ Курьею. Нѣсколько верстъ южнѣе, т. е. выше по теченію Двины, въ послѣднюю съ востока вливается Вычегда, отдѣляя отъ себя неширокій протокъ и образуя, такимъ образомъ, островъ, называемый Толубенскимъ (отъ деревни Толубьева, лежащей на этомъ островѣ). Два упомянутыхъ большихъ острова и полуостровъ между ними, образуемый съ одной стороны Курьею, съ другой Двиною и съ третьей протокомъ Вычегды, представляютъ обширную низменность съ песчаною почвою, заливаемую въ весеннее время водами Двины и Вычегды, такъ что почта, идущая во время половодья изъ Устюга въ Сольвычегодскъ и прибывшая въ Ускорье, деревню, расположенную на лѣвомъ высокомъ берегу Двины, провозится 9 верстъ на карбасахъ до дер. Кузнецова, куда весеннія воды уже не достигаютъ. Мысъ, образуемый лѣвымъ берегомъ Вычегды и правымъ Двины, составляетъ продолженіе той же низменности, но не столь широкой.

Въ $\frac{1}{2}$ вер. отъ Двины и въ 1 вер. отъ Вычегды берегъ поднимается террасой, и на краю этой террасы расположена деревня Котласъ (по мѣстному названію Котдласъ), имѣющая въ близкомъ будущемъ обратиться въ городъ, такъ какъ близъ самой этой деревни строится теперь вокзалъ Пермь-Котласской желѣзной дороги. Лѣвый берегъ Двины противъ Котласскаго мыса тоже представляетъ низменное мѣсто, такъ что деревня Вондокурье, лежащая здѣсь,

заливается водою, но близъ Ускорья терраса лѣваго Двинскаго берега подходитъ къ рѣкѣ и самое Ускорье (сокращенное изъ Усть-Бурья) стоитъ уже на горѣ; далѣе къ сѣверу этотъ берегъ Двины не представляетъ заливныхъ луговъ на довольно далекомъ протяженіи.

Пространство между лѣвнымъ берегомъ Двины и высокою террасою праваго берега, на которой расположились деревни Грѣгорово, Загорка, Семидѣиха, Грива, Мостова, Кузнецово и Пѣршино, ежегодно залируется водою, такъ что деревни Марково, Крутець, Грихнево, Толубьево и Падзеро страдаютъ отъ наводненія. Вода уноситъ амбары и другія служебныя постройки, скотъ приходится поднимать изъ стай на повѣти; бывають годы, что вода заходитъ въ печи и оставляетъ за собою повсюду толстый слой илу. Но этотъ самый илъ, отлагаемый на лугахъ, принадлежащихъ всѣмъ перечисленнымъ мною деревнямъ, и даетъ роскошныя урожаи сѣна и хлѣба, даетъ возможность имѣть хорошій скотъ и лошадей. Крестьяне могли бы существовать безбѣдно на этихъ лугахъ, если бы только не ощущалось недостатка въ землѣ.

„Плодородіе этихъ луговъ, говоритъ докторъ Снятковъ ¹⁾, зависитъ вполне отъ рѣчныхъ заносовъ, такъ что въ общемъ можно сказать, что травы тѣмъ лучше, чѣмъ выше и долѣе на данномъ лугѣ стоитъ весенній разливъ и чѣмъ болѣе, слѣдовательно, садится осадковъ. Только изрѣдка такіе луга, удаленные отъ рѣки, являются менѣе плодородными. Это объясняется опять таки тѣмъ, что на эти дальніе луга воды рѣки приносятъ только сравнительно мало осадковъ, оставляя ихъ ранѣе на лугахъ и въ кустахъ, лежащихъ ближе къ рѣкѣ. Слои весеннихъ осадковъ бывають такъ толсты, что нужно двѣ или три недѣли на спаденіе воды, чтобы показались ростки травъ, корни которыхъ глубоко занесены наносомъ, а на голыхъ пескахъ иногда въ одну весну наносятся слои толщиной въ цѣлый аршинъ и болѣе“.

„Густота травъ на этихъ лугахъ измѣнчива, но большею частью кажется очень значительною, между тѣмъ, на скошенныхъ мѣстахъ трава оказывается растущей довольно рѣдко. Это кажущееся противорѣчіе легко объясняется тѣмъ, что густота травы на этихъ лугахъ зависитъ не столько отъ густого произрастанія этихъ травъ, сколько отъ роскошнаго развитія отдѣльныхъ экземпляровъ“.

„Мѣстами ходить по этимъ лугамъ можно только съ значительнымъ усиліемъ, такъ много даетъ себя чувствовать густота травъ, особенно въ мѣстахъ, сплошь заросшихъ клеверомъ, горошками, чиною и астрагаломъ, стебли которыхъ, перепутываясь между собою, связываютъ ноги пѣшеходу“.

Лѣсъ въ описываемой мною низменности совершенно отсутствуетъ; онъ начинается въ верстахъ 4 къ востоку отъ Маркова, но тутъ идетъ уже

¹⁾ „Ботаническое изслѣдованіе заливныхъ луговъ въ долинахъ Сѣв. Двины и Вычегды“. Вологда. 1889 г.

сплошною зарослью. Преобладающею породою въ немъ является сосна, за нею идетъ ель; пихта попадаетъ рѣдко; за елью лиственница (по здѣшнему лѣсвенъ) и можжевельникъ (вересъ); ведръ, какъ извѣстно, не растетъ дико до Тиманскаго хребта, но, будучи посаженъ, образуетъ цѣлыя рощи; такъ и здѣсь отдѣльныя деревья растутъ прекрасно и приносятъ плоды.

Изъ лиственныхъ породъ преобладающею является береза; за нею слѣдуютъ осина и ольха (двухъ сортовъ), рябина, черемуха, ява древесная, липа и вязъ въ лѣсахъ и на лугахъ и, наконецъ, осокорь, выростающій огромными деревьями на заливныхъ островахъ Двины и Вычегды¹⁾. Осокорь произрастаетъ настолько обильно, что древесина его идетъ на топлины въ овины и употребляется охотно потому именно, что при горѣннн не даетъ искръ. Изъ этой же древесины выдѣлываютъ и „наплавки“ въ неводамъ.

Кустарныя породы тоже довольно разнообразны въ описываемой мною мѣстности. Здѣсь произрастаютъ: калина, жимолость двухъ видовъ, таволжникъ (*Spiraea*), розинникъ (*Cotoneaster*), шиповникъ двухъ видовъ, смородина красная и черная, малина и крушина, не говоря уже о мелкихъ сортахъ кустарныхъ ивъ, изъ которыхъ иные имѣютъ въ народномъ хозяйствѣ большое значеніе.

Изъ ягодныхъ травъ по берегамъ Двины и Вычегды произрастаютъ брусника, черника, голубика, паленика, морошка и отчасти ежевика.

Садыковъ при домахъ нигдѣ не разводятъ, въ деревнѣ же Марковѣ нѣтъ даже ни одного дерева. Огороды есть (они зовутся огородцами) и тутъ разводятъ капусту, картофель, лукъ, морковь, бобы, свеклу, рѣдьку и хрѣвъ. Чеснокъ не садятъ, потому что на заливныхъ лугахъ въ обиліи произрастаетъ дикій чеснокъ (*Allium angulosum*), который собираютъ, толкутъ, обливаютъ квасомъ и въ это кушанье „мачутъ кусокъ“, т. е. обмакиваютъ черный хлѣбъ и ѣдятъ.

Петрушку, укропъ и т. п. никогда не сѣютъ, тыквъ и огурцовъ не разводятъ. Иноземные плоды, напр. лимоны, не только не въ употребленіи, но многіе о нихъ и не знаютъ, кромѣ тѣхъ, которые бывали въ Вологдѣ и Архангельскѣ. По этому поводу рассказчикъ привелъ довольно курьезный фактъ. Одинъ изъ его односельчанъ, пріѣхавшій въ первый разъ въ Архангельскъ и зайдя въ трактиръ, спросилъ себѣ чаю съ лимономъ, о которомъ

¹⁾ Я подчеркиваю это названіе, такъ какъ ботаники проводили сѣверную границу осокоря (*Populus nigra*) на нѣсколько градусовъ южнѣе. Впервые осокорь встрѣченъ былъ мною въ низовьяхъ р. Юга, затѣмъ, я нашелъ его на Двинѣ въ Устюгскомъ уѣздѣ, а докторъ Снятковъ даже въ Яренскомъ по р. Выми. Но имѣются несомнѣныя свѣдѣнія о произрастаніи осокоря въ Вологодской губ. въ давнія времена. Такъ, въ сочиненіи А. Соскина „Исторіи города Соли-Вычегодской“, изд. 1789 г., въ жизнеописаніи Іоанна Юродиваго (стр. 143) сказано: „Въгаше же блаженный Іоаннъ и въ другую страну веси, глаголемѣй Пачезерской, отстоящую отъ града 15 верстъ или поприщъ, до великихъ древъ осокорей“.

онъ слыхиваль. Возвратясь же домой, сталъ смѣяться надъ тѣми, которые находятъ вкусъ въ чаю съ лимономъ, причеиъ далъ понять, что лимонъ этотъ былъ соленый. Когда его разспросили подробнѣе, оказалось, что онъ смѣшалъ два незнакомыхъ ему плода и, вмѣсто лимона, спросилъ огурца, который ему и подали. Мужикъ этотъ былъ долго общимъ посмѣшищемъ въ деревнѣ.

Въ лавкахъ покупаютъ приправы: „стручковый“, „горосчатой“ и молотый перецъ и горчицу, но болѣе ничего. Пьютъ покупной чай, но никакихъ травъ, какъ суррогатъ чая (напр., звѣробой, земляничной) не употребляютъ. Кофе настоящаго не пьютъ, а покупаютъ подъ названіемъ „кофею“ какія то сушенныя ягоды въ воробкахъ. Чай пьютъ съ сахаромъ, но въ самомъ ограниченномъ количествѣ, вслѣдствіе дороговизны этого продукта; изюмомъ сахаръ не замѣняютъ, тоже потому, что эта привука дорога. Сахаристыя вещества, необходимыя для организма, особенно дѣтскаго, получаютъ поѣданіемъ въ сыромъ или вареномъ видѣ многихъ дивораствующихъ мѣстныхъ растений; напр. зонтичныхъ *Angelica silvestris*, *Heracleum sibiricum*, а также крестоцвѣтнаго *Bunias orientalis*, хвощей (*Equisetum*), которые идутъ въ пищу въ видѣ плодоносныхъ стеблей, пестовъ „вороньихъ“ и чешныхъ“ (последніе считаются болѣе вкусными) и въ видѣ орѣшковъ (подземныхъ клубней), развивающихся на корняхъ полевого хвоща, такихъ же клубней зонтичнаго *Chaerophyllum bulbosum*, варятъ цвѣточные стебли („стобики“) щавеля (*Rumex Acetosa*), а въ особенности лакомятся повсемѣстно сосновымъ и березовымъ сокомъ, добываемымъ весной, наконецъ, ѣдятъ кисель изъ солоду, въ которомъ развариваются ягоды калины.

Куренье табаку, конечно, махорки, очень распространено, но въ послѣдніе годы, со вздорожаніемъ этого наркотика, нынѣ стали переходить къ нюханью. „Какъ табакъ подорожалъ, народъ сталъ отыкаться (останавливаться), другой и курить совсѣмъ ошабашилъ“. Хотя нюхательный табакъ дѣлается изъ той же махорки, но въ него прибавляютъ чуть не на половину высушенныхъ и смолотыхъ еловыхъ иголъ и печной золы.

Деревня Марково отстоитъ отъ Двины въ 2 вер. и имѣетъ 34 дома; расположена она, какъ здѣсь говорится, „камницей“, т. е. дома стоятъ не въ двѣ линіи по дорогѣ, какъ это обыкновенно бываетъ, а вразсыпную и глядятъ своими фасадами куда попало; между домами и прилегающими къ нимъ „огородцами“ дорѣги извиваются такъ прихотливо, что нищѣ, забравшись въ деревню, не скоро находятъ изъ нея выходъ. Жителей въ деревнѣ 183 человека мужчинъ, женщинъ и дѣтей, кромѣ младенцевъ, изъ нихъ грамотныхъ 30, т. е. 16⁰/₁₀₀. Грамотными я считаю, не какъ принято обыкновенно, даже такихъ, которые умѣютъ лишь подписать свою фа-

милию, но дѣйствительно читающихъ и пишущихъ, хотя, надо сказать, что въ деревнѣ Марково пишутъ и читаютъ лишь изрѣдка письма, книгъ же никто не читаетъ, такъ какъ ихъ нѣтъ и достать негдѣ. Ближайшая къ Маркову школа—министерская—въ 3 верстахъ, въ селѣ Григоровѣ (по мѣстному Писѣница); затѣмъ, въ 10 верстахъ на Комарицѣ—земская и въ 6 вер. на Вешкурѣ—тоже земская. По выходѣ изъ этихъ школъ крестьянскіе мальчики и дѣвочки прерываютъ съ ними всякія отношенія; библиотечекъ при школахъ нѣтъ, а если и есть, то книги изъ нихъ не выдаются для чтенія „постороннимъ“ лицамъ. Что касается духовнаго просвѣщенія народа, то здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ изумительнымъ фактомъ, что мой рассказчикъ, уроженецъ дер. Маркова, совершенный язычникъ. О Богѣ онъ только слыхивалъ отъ родителей, объ Христѣ же никогда ни отъ кого не слышалъ ¹⁾, Евангелія не читывалъ, едва умѣетъ перекреститься и не знаетъ не только важнѣйшихъ молитвъ, но даже и той, которую произносятъ толстовскіе старцы: „трое васъ, трое насъ, помилуй насъ“.

И этотъ крестьянинъ, имѣющій 28 лѣтъ отъ роду, домохозяинъ и женатый человѣкъ, конечно, не представляетъ исключенія среди обитателей верхней Двины и устьевъ Вычегды. Между тѣмъ, если мы взглянемъ на карту, то увидимъ, что въ названномъ краю „грудно“ расположились семь приходскихъ церквей (въ Вондокурѣ, Туровцѣ, Комарицѣ, Вешкурѣ, Григоровѣ, Падзерѣ и Котласѣ), затѣмъ, въ 27 верстахъ отъ Маркова стоитъ городъ древняго благочестія Сольвычегодскъ, въ которомъ 12 церквей, и въ 70 верстахъ еще болѣе древній Устюгъ Великій, гдѣ 25 церквей и мѣстожительство архіерея. Мѣстный причтъ посѣщаетъ деревни своего прихода для того только, чтобы собрать хлѣбъ и дары о праздникахъ и, конечно, ни въ какія духовно-нравственныя бесѣды со своими прихожанами не вступаетъ. „Досугъ ли ему рассказывать? а проповѣдь въ церкви читаетъ“ ²⁾.

Медицинская помощь въ волости почти не существуетъ. Земскій врачъ живетъ въ Сольвычегодскѣ и участка своего не объѣзжаетъ; фельдшеръ тамъ же, и если его вызовутъ, то является. Лечъ въ больницу крестьянина рѣшается

¹⁾ Не слышалъ никогда и „Христосъ съ тобой“ и „Христа ради“ и „Христомъ побирается“ и „Христосъ воскресъ—воистину воскресъ“? Не слышалъ ничего ни о Рождествѣ, ни о Богородицѣ, ни о Вознесеніи, ни о Воскресеніи Христовомъ, не слышалъ духовныхъ стиховъ, распѣваемыхъ нищими, не видалъ иконъ, никогда не бывалъ въ церкви, однако женатъ!—Въ этомъ показаніи нельзя не усумниться. Крестьянинъ, какъ видно, очень толковый, напустилъ эту дурь на себя, желая щегольнуть передъ ученымъ баринкомъ своимъ позитивизмомъ (см. на стр. 4—„бабы задуки“). И ему повѣрили, значить совралъ не напрасно. *Ред.*

²⁾ И все это повальное осужденіе Сольвычегодскаго духовенства, безъ сомнѣнія несправедливое, какъ всѣ такого рода огульныя осужденія, вновь убѣждаетъ насъ въ невѣрности показанія Марковскаго крестьянина и въ нѣкоторой въ этомъ случаѣ легковѣрности нашего почтеннаго автора. Самъ же онъ говоритъ, что съ Сольвычегодскимъ уѣдомъ лично онъ мало знакомъ, не имѣлъ значить случая и близко узнать тамошнее духовенство: не состоитъ же оно поголовно изъ дурныхъ, недобракачественныхъ людей. *Ред.*

только въ послѣдней крайности. Лѣчатся домашними средствами и у „нечтуновъ“, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется хирургическая помощь. Народъ, вообще, отличается въ тѣхъ мѣстахъ здоровьемъ, однако, лихорадки, поспадъ водъ, даютъ себя знать.

Скота въ деревнѣ крупнаго около сотни головъ, но скотъ не холмогорской породы. Попытки развести эту породу дѣлались не разъ, но не удавались. Впрочемъ, скотъ не дурной. Хорошая корова вѣситъ здѣсь, т. е. на Двинѣ, пудовъ 15 и даетъ бутылокъ 20 молока въ день, быкъ вѣситъ отъ 18 до 20 пудовъ. Масло копятъ и продаютъ въ города (Красноборскъ, Сольвычегодскъ, Устюгъ) отъ 14 до 19 коп. за фунтъ. Куръ держать много и яйца отдаютъ скупщикамъ по 8—9 коп. за десятокъ; другой домашней птицы никакой не держать.

Куриныя яйца кладутъ въ вороньи гнѣзда съ цѣлю дать воронамъ высидѣть ихъ, потому что курица, „выпаренная“ вороной, бываетъ кладливѣе. Куриное яйцо „подводится“, т. е. подкрашивается подъ воронье сажей. Одно воронье яйцо изъ гнѣзда выбрасывается и кладется взамѣнъ его куриное, но только одно, иначе ворона замѣтитъ обманъ. Подложивши яйцо, по временамъ лазятъ и наблюдаютъ, не выдунился ли птенецъ, чтобы тотчасъ же вынуть его вонъ, иначе ворона убьетъ его.

Не смотря на плодородіе почвы, неурожая случаются. Земство въ такихъ случаяхъ не помогаетъ. „Не связываются съ нимъ, потому что раньше натѣкало“, т. е. брали хлѣбную ссуду въ голодные годы и до сихъ поръ не могутъ съ этой ссудой раздѣлаться.

Кабака въ деревнѣ нѣтъ; онъ находится въ 3 вер., у церкви, „и у каждой церкви въ волости по кабаку“.

Земская почта въ уѣздѣ существуетъ, но денежные и заказныя письма, равно и посылки, можно получать только въ волостномъ правленіи, въ 27 вер. отъ деревни, простая же корреспонденція доставляется въ сельское общество, но и за той нужно идти 3 версты.

Изъ звѣрей въ краѣ водятся: волки, медвѣди, рыси, росомахи, куницы, лисицы, горностаи, ласки, хорьки, бурундуки, бѣлки, зайцы. Оленей и лосей нѣтъ.

Изъ птицъ: тетерева, глухари, рябчики, утки, гуси, лебеди, журавли, гагары, галки, голуби, чайки, воробьи. Грачи въ деревнѣ и ея окрестностяхъ вовсе не селятся (потому что нѣтъ деревьевъ), но въ Сольвычегодскѣ они живутъ обильно. Изъ хищныхъ птицъ: коршуны, ястреба, филины, совы, сычи, воробьи, вѣроны, сороки. Волки и медвѣди убиваются для шкуръ (волчья шкура цѣнится въ 3 руб.), тоже и бѣлки (отъ 5 до 10 коп.). Зайцевъ бьютъ для шкурки и для ѣды, но ѣдятъ только заднюю часть, шкурка про-

дается по три коп. Собацьи шкуры идутъ на шубницы (теплыя рукавицы шерстью вверхъ) и на шапки, тоже и кошачьи.

Тетеревей и глухарей ѣдятъ жареными, но не варятъ, рябчиковъ варятъ и жарятъ, тоже утокъ и гусей. Лебедей не ѣдятъ (считаются погаными), бьютъ лишь ради шкурокъ, но не на продажу, а набиваютъ изъ нихъ „чу-чѣлки“ и ставятъ въ избахъ „гля басы“ (для украшенія). Журавлей ѣдятъ — варятъ и жарятъ, но куръ и пѣтуховъ не ѣдятъ вовсе.

Голубей не бьютъ, это считается грѣхомъ, также и „воробышковъ“. Сорокъ бьютъ для того, чтобы достать мозгъ, который считается превосходнымъ средствомъ для смазыванія „омороженныхъ“ частей тѣла. Съ тою же цѣлью употребляется и гусиное сало.

Къ птицамъ вообще относятся сочувственно: въ клѣткахъ ихъ не держать, нигдѣ и никогда; „птичу грѣхъ держать взапертѣ, въ засѣдѣ“. Иногда держать въ избахъ голубей, но они летаютъ свободно и вылетаютъ на улицу по желанію. Утокъ — селезней и острохвостовъ ловятъ руками и держатъ въ избахъ для того, чтобы потомъ съѣсть. „Хто убьетъ птичу зря, тово ругаютъ, потому што и ворона неприцѣнная птица“ (т. е. ни въ чемъ не повинна).

Утиныя яйца ѣдятъ вареными; найти утиное гнѣздо очень трудно, но инныя утки вьютъ себѣ гнѣзда въ „полунѣтрыхъ“ соснахъ довольно высоко отъ земли; такія гнѣзда разыскиваютъ и яйца изъ нихъ выбираютъ.

Собака считается животнымъ въ высшей степени поганымъ и сквернымъ. Въ избу ее пускаютъ и позволяютъ лежать на полу, но никогда не пустятъ на лавку и ночевать она должна на повѣти. Черезъ нее не молятся. Иногда ее приласкаютъ, но на руки не берутъ. Если собака обнюхаетъ кушанье, его ни за что не тронуть, а отдадутъ ей. Собакѣ никогда не позволятъ ѣсть изъ той посуды, изъ которой ѣдятъ люди, а если она ползала изъ чашки, чашку сожгутъ или бросятъ. Собакѣ, какъ и кошкѣ, дается особая посудица для ѣды; она зовется собачья, та же, изъ которой ѣстъ кошка, зовется „папѣрей“.

Кошка тоже считается поганой, черезъ нее не шагаютъ, а отопнутъ, если она лежитъ на дорогѣ. Въ церковь ее не пускаютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, но, вообще, она пользуется большимъ расположеніемъ, чѣмъ собака, ее гладятъ и берутъ на руки.

Рыбы въ описываемыхъ мѣстахъ водятся слѣдующія: окунь, лещъ, язъ или язенокъ, подъязокъ, стерлядь, сорога (плотица) или сорожка, пескарь, бѣлашки (мелкая рыбка, но не сятки), ерши, караси, семга, харіузь, мулявка, семидырка (минога; ихъ ловятъ, но только для кошекъ).